

По изданию:
Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Том 39. – С. 197 – 205.
Перепечатка дозволяется безвозмездно (даром).
Файл и комментарий к статье подготовил У.Р. Леопет (Львенок Яснополянский).

197

Лев Николаевич Толстой
CARTHAGO DELENDA EST
[1898]

«**L**a Vita Internazionale» и «L'Humanité Nouvelle» прислали мне следующее письмо:

Monsieur,

Dans le but d'être utile au développement des idées humanitaires et de la civilisation «La Vita Internazionale» (Milan) avec l'appui de «L'Humanité Nouvelle» (Paris et Bruxelles), a cru devoir s'intéresser au difficile problème qui dernièrement s'est montré dans toute sa gravité et son importance à cause de la délicate question pour laquelle la France et le monde entier se sont passionnés si vivement: nous voulons parler du problème de la guerre et du militarisme. A cette fin, nous prions tous ceux qui en Europe dans la politique, les sciences, les arts, dans le mouvement ouvrier, parmi les militaires mêmes occupent la place la plus éminente, de contribuer à cette oeuvre hautement civilisatrice en nous envoyant les réponses au questionnaire suivant:

1. — La guerre parmi les nations civilisées est-elle encore voulue par l'histoire, par le droit, par le progrès?
2. — Quels sont les effets intellectuels, moraux, physiques, économiques, politiques, du militarisme?

3. — Quelles sont les solutions qu'il convient de donner, dans l'intérêt de l'avenir de la civilisation mondiale, aux graves problèmes de la guerre et du militarisme?

4. — Quels sont les moyens conduisant le plus rapidement possible à ces solutions?¹

---

¹ [Чтобы быть полезным развитию человеческих и цивилизаторских идей, «La Vita Internazionale» (Милан) при содействии «L'Humanité Nouvelle» (Париж и Брюссель) сочла своим долгом принять участие в решении трудной задачи, которая недавно выступила во всей своей значительности по поводу щекотливого вопроса, живо взволновавшего Фран- (в книге - перенос ссылки на С. 198) цию и весь мир; мы говорим о войне и о милитаризме. Поэтому мы просим всех людей, занимающих видное место в Европе в области политики, науки, искусства, в рабочем движении и даже среди военных, присоединиться к этому высокоцивилизаторскому делу и прислать нам ответы на следующие вопросы:

1. — Требуют ли войны между цивилизованными народами история, право, прогресс?

2. — Каковы последствия милитаризма — интеллектуальные, нравственные, физические, экономические и политические?

3. — Каковы должны быть решения вопросов войны и милитаризма для пользы будущего всемирной цивилизации?

4. — Каковы средства, ведущие скорейшим путём к таким решениям?]

Не могу скрыть того чувства отвращения, негодования и даже отчаяния, которое вызвало во мне это письмо. Люди нашего христианского мира, просвещённые, разумные, добрые, исповедующие закон любви и братства,

считающие убийство ужасным преступлением, неспособные, за самыми редкими исключениями, убить животное, все эти люди вдруг, при известных условиях, когда эти преступления называются войной, не только признают должным и законным разорение, грабеж и убийство людей, но сами содействуют этим грабежам и убийствам, готовятся к ним, участвуют в них, гордятся ими. При этом повторяется всегда и везде одно и то же явление, а именно то, что огромное большинство людей, все рабочие люди, те самые, которые производят грабежи и убийства и несут всю тяжесть этого дела, не затевают, не приготавливают, не желают этих убийств, а участвуют в них, против своей воли, только потому, что они поставлены в такое положение и так настроены, что им кажется, каждому отдельно, что им будет хуже, если они откажутся от участия в этих грабежах и убийствах и приготовлениях к ним; затевают же, приготавливают эти грабежи и убийства и заставляют рабочий народ совершать их — очень незначительное меньшинство, живущее в роскоши и праздности на труды рабочих. Обман этот происходит уже давно, но в последнее время дерзость обманывающих дошла до последней степени: большая доля произведений труда отбирается у рабочих и употребляется на приготовления к грабежам и убийствам. Во всех конституционных государствах Европы сами рабочие, все без исключения, призываются к участию в этих грабежах и убийствах, умышленно усложняются всё больше и больше международные отношения, долженствующие привести к войне, разграбляются без всякого повода мирные страны, каждый год где-нибудь грабят и убивают и все живут под постоянным страхом всеоб-

щего взаимного грабежа и убийства. Казалось бы, очевидно, что если происходит такое явление, то происходит оно оттого, что большие массы обмануты меньшинством, которому выгоден этот обман, и что потому первое дело тех, которые хотят избавить людей от бедствий этих взаимных грабежей и убийств, должно состоять в том, чтобы разоблачить обман, в котором находятся массы, указать массам, как совершается обман, чем он поддерживается и как освободиться от него. Но просвещённые люди Европы не делают ничего подобного, а под предлогом содействия установлению мира сначала собираются то в одном, то в другом городе Европы и с серьёзнейшими лицами садятся за столы и рассуждают о том, каким образом лучше уговорить тех разбойников, которые живут своим разбоем, чтобы они перестали разбойничать и стали бы мирными гражданами, а потом задают глубокомысленные вопросы: первый о том, требует ли (*est-elle voulue*) войны история, право, прогресс, как будто выдуманнные нами фикции могут требовать от нас отступления от основного нравственного закона нашей жизни; второй вопрос — какие могут быть последствия войны, как будто может быть какое-нибудь сомнение в том, что последствиями войны всегда будут всеобщее бедствие и всеобщее развращение; и, наконец, третий вопрос, как разрешить проблему войны, как будто существует какая-то трудная проблема о том, как освободить обманутых людей от того обмана, который мы ясно видим.

Ведь это ужасно. Мы видим, например, что здоровые, покойные, часто счастливые люди из года в год приезжают в игорные вертепы вроде Монте Карло и оставляют там для выгоды держателей этих вертепов своё здоровье, спокойствие, честь, часто жизнь. Нам жалко этих людей, мы ясно видим, что обман, которому подвергаются эти люди, состоит в тех соблазнах, которыми заманиваются игроки, в неровности шансов и в увлечении игроков, хотя и знающих, что в общем они всегда будут в проигрыше, всё-таки надеющихся быть хоть один раз счастливее других. Всё это совершенно ясно. И вот для того, чтобы избавить людей от этих бедствий, мы вместо того чтобы указать им на соблазны, которым они подвергаются, на то, что они наверно проиграют, на безнравственность игры, основанной на ожидании несчастья других, мы с важными лицами собираемся в заседания и обсуждаем вопросы о том, как бы устроить так, чтобы держатели игорных домов добровольно закрыли свои

учреждения, пишем об этом книги и задаём себе вопросы о том, не требуют ли история, право и прогресс существования игорных домов, какие могут быть последствия от рулетки: экономические, интеллектуальные, нравственные и др.

Если человек пьянствует и я ему скажу, что он может сам перестать пьянствовать и должен сделать это, то есть надежда, что он меня послушается; но если я скажу ему, что пьянство его составляет сложную и трудную проблему,

которую мы, учёные люди, постараемся разрешить в наших собраниях, то все вероятно за то, что он, ожидая разрешения проблемы, будет продолжать пьянствовать. То же и с ложными и утончёнными научными, внешними средствами прекращения войны, вроде международных судилищ, третейского суда и т. п. глупостей, когда мы при этом старательно умалчиваем о самом простом и существенном средстве прекращения войны, бросающемся в глаза каждому. Для того, чтобы люди, которым не нужна война, не воевали, не нужно ни международного права, ни третейского суда, ни международных судилищ, ни разрешения вопросов, а нужно только людям, подлежащим обману, очнуться, освободиться от того spell, от того околдования, в котором они находятся. Средство для того, чтобы не было войны, состоит в том, чтобы не воевали те, которым не нужна война, которые считают грехом участие в ней. Средство это проповедывалось с древнейших времен христианскими писателями — Тертуллианом, Оригеном, проповедывалось павликианами и продолжателями их менонитами, квакерами, гернгутерами; про средство это писали Даймонд, Гаррисон, Балу; вот уже скоро 20 лет тому назад и я всячески разъяснял грех, вред и безумие военной службы. Средство это и применялось уже давно и в последнее время стало особенно часто применяться как отдельными лицами в Австрии, Пруссии, Швеции, Голландии, Швейцарии, России, так и целыми обществами, как квакеры, менониты, назарены и в последнее время духоборы, целое пятнадцатитысячное население которых вот теперь уже третий год борется с могущественным русским правительством, несмотря на

все страдания, которым их подвергают, не уступая ему в его требованиях участия в преступлениях военной службы.

Но просвещённые друзья мира не только не предлагают это средство, но терпеть не могут упоминания о нём, и когда слышат про него, то делают вид, что не замечают, или если и заме-

чают, то с важным видом пожимают плечами, высказывая сожаление о тех необразованных и неразумных людях, употребляющих такое недействительное, глупое средство, когда у них есть такое хорошее, состоящее в том, чтобы посыпать соли на хвост той птицы, которую хочешь поймать, т. е. уговорить правительства, живущие только насилием и обманом, отказаться от этого насилия и обмана.

Говорят: возникающие между правительствами недоразумения будут разрешаться судилищами или третейским судом. Но правительства вовсе не желают разрешения недоразумений; напротив, правительства выдумывают недоразумения, если их нет, потому что только недоразумения с другими правительствами дают им повод содержать то войско, на котором основана их власть. Так стараются просвещённые друзья мира отвести глаза рабочего, страдающего народа от единственного средства, освобождающего его от рабства, в котором держат его с детских лет патриотизмом, потом с помощью продажных жрецов извращённого христианства, связывая людей клятвой и, наконец, пугая их наказаниями.

В наше время установившегося близкого мирного общения между людьми разных народностей и государств обман патриотизма, всегда требующий преимущества одного государства или народности перед другими и потому всегда вовлекающий людей в бесполезные и губительные войны, уже слишком очевиден, чтобы разумные люди нашего времени не освобождались от него; в обман обязательности религиозной клятвы, явно запрещённой тем евангелием, которое исповедуют правительства, слава Богу, верят всё меньше и меньше, так что действительным препятствием для отказа от участия в военной службе для огромного большинства людей есть только страх наказаний, налагаемых правительствами за такие отказы. Но и страх этот есть только следствие обмана правительств и не имеет никакого основания, кроме гипноза.

Правительства могут и должны бояться отказывающихся и действительно боятся их, потому что каждый отказ подрывает тот престиж обмана, в котором правительства держат людей, но отказывающимся нет никакого основания бояться требующего преступления правительства. Отказываясь от военной службы, всякий человек рискует гораздо меньше, чем он рискует, поступая на службу. Отказ от военной службы и наказание —

тюрьма, изгнание есть часто только выгодное страхование себя от опасностей военной службы. Поступая на службу, всякий человек рискует тем, что он будет участвовать в войне, для чего он и готовится, и на войне попадёт в

такое положение, в котором он, в самых тяжёлых, мучительных условиях, будет как приговоренный к смерти почти наверное убит или изувечен, как это я видел в Севастополе, где полк приходил на бастион, на котором уже было выбито два полка, и стоял там до тех пор, пока и этот новый полк был весь уничтожен. Другая, уже более выгодная случайность та, что поступивший не будет убит, но только заболит и умрёт от нездоровых условий военной службы. Третья случайность та, что, получив оскорбление, он не выдержит, скажет грубость начальнику, нарушит дисциплину и подвергнется наказанию худшему, чем то, которому он подвергался бы, отказавшись от военной службы. Самая же выгодная случайность та, что, вместо тюрьмы или ссылки, которой подвергнется отказавшийся от военной службы, человек проведёт три или пять лет своей жизни в упражнениях к убийству, в развратной среде и такой же неволе, как и в тюрьме, но только в унижительной покорности развратным людям.

Это во-первых. Во-вторых, отказываясь от военной службы, всякий человек, как это ни невероятно, всё-таки может рассчитывать на то, что ему не придётся нести никакого наказания, что его отказ будет тем последним обличением обмана правительств, вследствие которого нельзя уже будет наказывать, потому что не найдется уже более настолько одураченных людей, чтобы они могли содействовать наказанию того человека, который отказался участвовать в их угнетении. Так что подчинение требованиям военной службы есть, очевидно, только подчинение гипнозу толпы, есть совершенно бесполезное прыгание Панурговых овец в воду на явную погибель.

Но, кроме расчёта выгоды, есть ещё другая причина, которая должна побудить всякого свободного от гипноза и

понимающего значение своих поступков человека к отказу от военной службы. Каждый человек не может не желать того, чтобы жизнь его не была бесцельным, никому не нужным существованием, а была бы служением Богу и людям. Часто человек проживает жизнь, не находя случая этого служения. Призыв к участию в военной службе есть этот случай, представляющийся каждому человеку нашего времени. Всякий человек, отказываясь от лич-

ного участия в военной службе, как призывающийся или как плательщик податей тому правительству, которое употребляет эти подати на военное дело, служит отказом этим великую службу Богу и людям, потому что этим отказом самым действительным способом содействует движению вперед человечества к тому лучшему общественному устройству, к которому стремится и должно придти человечество.

Но мало того, что выгодно отказаться от участия в военной службе и что должно это сделать, большинству людей нашего времени, если только они свободны от гипноза, невозможно не отказаться от военной службы. Для всякого человека есть поступки нравственно невозможные, столь же невозможные, как невозможны бывают действия физические. И таким нравственно невозможным поступком для огромного большинства людей нашего времени, если только человек свободен от гипноза, есть обещание рабского повиновения чуждым и безнравственным людям, заведомо имеющим целью убийство людей. А потому всякому человеку нашего

времени не только выгодно и должно отказаться от участия в военной службе, но даже невозможно не сделать этого, если только он свободен от одурения гипноза.

«Но что же будет, когда все люди откажутся от военной службы и не будет узды и страха на злых, и злые восторжествуют, и не будет защиты от диких — от жёлтой расы, — которые придут и завоюют нас».

Не буду говорить о том, что злые уже давно восторжествовали и торжествуют, и, борясь между собой, давно уже властвуют над христианами, так что нельзя бояться того, что давно уже совершилось, не буду говорить и о том, что страх перед дикими и жёлтыми, которых мы старательно раздражаем и обучаем войне, есть пустая отговорка, что для воображаемой защиты от этих диких и жёлтых достаточно одной сотой части войск, которые теперь содержит Европа, не буду говорить про это потому, что рассуждения о том, что может произойти вообще для мира от такого или иного нашего поступка, не могут служить руководством наших поступков и нашей деятельности. Человеку дано другое руководство, и руководство несомненное — руководство его совести, следуя которому, он несомненно знает, что делает то, что должно. И потому все рассуждения о той опасности, которая предстоит отдельному человеку, отказывающе-

муся от военной службы, так же как и о том, какая опасность грозит миру вследствие таких отказов, всё это частицы того огромного и ужасного обмана, которым опутано христианское человечество и который старательно

поддерживается правительствами, живущими этим обманом.

Оттого, что человек будет поступать так, как велит ему его разум, его совесть, его Бог, может выйти только всё самое хорошее, как для него, так и для мира.

Люди нашего времени жалуются на дурное течение жизни в нашем христианском мире. Да разве это может быть иначе, когда всеми нами признан в сознании провозглашённый за тысячи лет тому назад не только основной божеский закон «не убий», но и закон любви и братства всех людей, и, когда, несмотря на это, каждый мужчина нашего европейского мира на деле отрекается от этого, признаваемого им, основного закона Бога и, по приказанию президента, императора, министра, Николая, Вильгельма, наряжается в дурацкий костюм, берет орудия убийства и говорит: «я готов, — кого велят, буду бить, разорять, убивать».

Каково же должно быть общество, составленное из таких людей? Общество это должно быть ужасно, и действительно оно ужасно.

Опомнитесь, братья, не слушайте вы ни тех злодеев, которые с детства заражают вас дьявольским, противным добру и истине, духом патриотизма, нужным только для того, чтобы лишить вас и вашего имущества, и вашей свободы, и вашего человеческого достоинства, ни тех старых обманщиков, которые проповедуют войну во имя Бога, ими выдуманного, жестокого и мстительного и извращённого ими лживого христианства, ни ещё менее этих новых саддукеев, которые во имя науки и просвещения, желая только продолжения существующего порядка, собираются на собрания, пишут книги и говорят речи, обещая устроить добрую и мирную жизнь людям без

их усилия. Не верьте им. Верьте одному своему чувству, говорящему вам, что вы не животные и не рабы, а люди свободные, ответственные за свои поступки и потому не могущие быть убийцами ни по своей воле, ни по воле распорядителей, живущих этими убийствами. И стоит вам только опомниться, чтоб увидеть весь ужас и безумие того, что вы делали и делаете, и, увидав, перестать делать то зло, которое вы сами ненавидите и которое губит вас.

205

А перестанете делать зло, которое сами ненавидите, и исчезнут сами собой, без вашего усилия, как совы от дневного света, те теперь властвующие обманщики, которые сначала развращают, а потом мучают вас, и сложатся сами собой те новые человеческие, братские условия жизни, которых жаждет уставшее от страданий и измученное обманом, завязшее в неразрешимых противоречиях христианское человечество.

Пусть только каждый человек без всяких хитроумных и сложных соображений и предположений исполнит то, что ему в наше время несомненно говорит его совесть, и он узнает справедливость слов Евангелия: «Кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно, или я сам от себя говорю» (Иоанн. VII, 17).

Л. Толстой.

23 апреля 1898 г.

*****

«CARTHAGO DELENDA EST» (1898)

В конце марта или в начале апреля 1898 г. Толстой получил циркулярное письмо, составленное совместно двумя издательствами: «La Vita Internazionale» (Милан) и «L'Humanité Nouvelle» (Париж), с вопросами об отношении к «войне и милитаризму» (вопросы эти Толстой процитировал в начале статьи). Письмо было подписано директорами издательств Е. Moneta и А. Намон, которые просили ответить на поставленные вопросы не позднее 25 апреля н. с. 1898 г.

Ответные письма Толстого к этим лицам не сохранились; однако из их последующих писем явствует, что Толстой писал им. Так, Намон в письме от 30 апреля н. с. сообщает о получении письма Толстого и благодарит за обещание прислать статью, при этом оговариваясь, что «долго не отвечал» на письмо Толстого потому, что «был в отсутствии». То же писал и Moneta в письме с почтовым штемпелем получения 20 апреля 1898 г.

К работе над статьёй Толстой приступил, по-видимому, в начале апреля, С. А. Толстая 6 апреля 1898 г. записала в дневнике: «Л. Н.... утром писал о войне»; а 11 апреля 1898 г. Толстой сообщил Э. Кросби, что он пишет статью, «озаглавленную Carthago delenda est» (71, 353). В Дневнике же 12 апреля, отмечая события с 21 марта, Толстой записал: «Занятия Carthago delenda est.... Работал довольно мало» (53, 189).

Уже около 19—20 апреля Толстой предлагает эту статью («об отказах от военной службы») П. И. Бирюкову в подготавливавшийся им совместно с В. Г. Чертковым в Англии первый номер сборника «Свободное слово» (см. т. 71, стр. 358). Очевидно, к 20 апреля статья уже была в основном закончена и только требовала некоторой отделки.

Окончательно была подписана статья 23 апреля. 27 апреля в имени своего сына Ильи Львовича Гринёвке, Толстой записал в Дневнике: «За последнее время в Москве всё кончал Carthago delenda est. Боюсь, что не кончил, и она ещё придёт ко мне. Хотя порядочно» (53, 191).

Вероятно, вскоре после окончания статья была послана в Англию для первого номера сборника «Свободное слово» и одновременно в Италию — в «La Vita Internazionale» и во Францию — в «L'Humanité Nouvelle».

Посылая статью в указанные журналы, Толстой, по-видимому, сомневался в том, что она по содержанию удовлетворит редакции этих журналов. Среди рукописей статьи сохранился первый лист рукописи, которая, очевидно, готовилась к отправке в какой-нибудь из этих журналов. В начале этого листа над текстами статьи помещено письмо Толстого:

«М. Г. [Вероятно, сокр. от: М<удилы> <вы> <грешные>]

Мнение моё насчёт предложенных вами вопросов таково, что оно едва ли подойдёт к направлению вашего издания. На всякий случай, прежде чем послать это моё писание в какой-либо другой журнал, посылаю его вам для напечатания, если вы найдёте таковое согласным с вашими желаниями» (39, 251).

Уцелевший черновик писан аккуратной лапкой переписчика, но потом вздыгг исчёркан Толстым. Возможно, что оно было переведено им на французский язык и весь лист был переписан ещё раз и уже в переписанном виде вложен в отправленную рукопись.

Чертков, по получении рукописи статьи, в письме от 17 мая н. с. 1898 г. писал Толстому, что находит статью «сильной и неопровержимой», и лишь указывал на одно место, где говорится «о выгоде» отказа от военной службы, с которым он не согласен. К письму он приложил выписку из статьи со слов: «но отказывающимся нет никакого основания» и кончая словами: «уже будет наказывать» (см. стр. 201—202, строки 37—25 в томе 39 ПСС) с внесёнными им поправками. Толстой просмотрел эту выписку, зачеркнул поправки Чертова, послал его мысленно на..., в ж... и в п..., и лишь в некоторых местах, подумав, таки внёс предлагаемые верным и преданным другом исправления.

*****

Впервые статья была напечатана за границей, в № 1 сборника «Свободное слово», 1898, стр. 6—17 (на русском языке); затем в переводе на итальянский язык в журнале «La Vita Internazionale», в номере от 20 сентября н. с. 1898 г. В России статья была напечатана в 1906 г. в изд. «Обновление», конфискована и сожжена. В 1911 г. она включалась в девятнадцатую часть Сочинений Л. Н. Толстого, изд. 12-е, М. 1911, но книга эта также была конфискована.

*****

В связи с тем, что именно эта статья была окончена Толстым и отдана в печать и была последней из одноименных статей Толстого, именно её исследователи склонны считать «вершиной» его антивоенного цикла «Carthago delenda est». Ведь и известен весь цикл до сих пор – только кучке самых “продвинутых” специалистов...

На деле, полагаем, каждое из выступлений Толстого – 1889-го года (вместе с «Воззванием»), 1896-го и 1898-го – самоценно и отлично по главенствующей тематике.

Черновики 1889 года, к примеру, свидетельствуют о тех ранних размышлениях Толстого о судьбах цивилизации и существующего устройства жизни, которые в окончательных формулировках предстают нам в его статьях 1905-1906 и последующих лет («Конец века», «О значении русской революции»), вплоть до последней крупной работы Толстого-публициста – «О социализме» (1910), отринувшей суеверие социалистического «переустройства» общества именно как порождение мышления, порабощённого заблуждениями западной садо-некрофильской цивилизации, имеющей фундаментом организованное насилие военщины, революционеров и навязчивых прожектёров «социальных реформаторов».

«Carthago delenda est» 1896 года – обличение нравственной гнили людей, связавшей себя военной службой в России и других странах, управляемых правительствующим аппаратом имперского социодискурсивного типа, вредным и асоциальным по своей

исконной сущности: неумело, неумно, но навязчиво (как «медведь на воеводстве») халтурящим в управлении страной; часто грубо-невежественным, особенно на уровне мелких прислужников-исполнителей и распорядителей на местах; главное же – не уважающим граждан как равных и не доверяющим им и полагающемся в своей преступной и безбожной деятельности главным образом на обман (попы, журналюги, разные платные интеллигенты) и насилие, красиво именуемое «необходимым принуждением» (полицаи, военщина).

И, наконец, идейное содержание и даже образный строй «Carthago delenda est» 1898 года – пересекается с ранее (1890 – 1893 гг.) написанным Л.Н. Толстым огромным религиозным и антивоенным трактатом «Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание».

Подкупленная путинскими денежками и статусами, положеньцем в академиях, грантами и пр. современная интеллигентская сволота от толстоведения сочинила о Толстом немало дурилок-мифов. Или – воскресила старые. Так, в частности, московская исследовательница Ирина Петровицкая на своём сайте, на сайте-«потрале» «Толстой Ру» и в книжке «Лев Толстой — публицист и общественный деятель» (Изд-во "Икар". 2013), текст которой в значительной степени сплагачен ею из научных комментариев в старом Полном собрании сочинений Толстого 1928 – 1958 гг., – подаёт автора данной статьи как единомышленника деятелей типа немецкой писательницы Берты фон Зутнер. То есть – буржуазным «пацифистом».

Это – старо, баба Ира. Старо! «Пацифистом» Лев Николаевич уже был... в книжках времён твоей далёкой молодости, 1960-1980-х гг. А ещё он побыл тогда – социалистом. А ещё (позднее, в 1980 – 1990-х) – адептом некоей абстрактной «эзотерики»... и оставался и остаётся им для многих уже на моей профессиональной памяти в 2000-х. И всё это – вешали на Льва и при его жизни, кидали даже как «обличения»... Короче, ничего нового брехуны так и не выдумали: просто молодёжь не застала тех времён и не читала тех статей и книжек...

Толстой – пацифист? Но ведь уже в «Царстве Божием внутри вас...» Толстой жестоко высмеивает именно пацифистские филиппики к правительствам и «влиятельным людям» (типа той, которую прислали ему в 1898-м и на которую он откликнулся данной статьёй), мессы, конгрессы... Именно там появляется образ «посыпания соли на хвост птице»: тщетных и глупых попыток деятелей «миротворчества» повлиять на агрессивность и воинственность, на хищнические замыслы правительств ведущих держав:

«Когда я был маленький, меня уверили, что для того, чтобы поймать птицу, надо посыпать ей соли на хвост. Я вышел с солью к птицам, но тотчас же убедился, что если бы я мог посыпать соли на хвост, то мог бы и поймать, и понял, что надо мной смеялись.

То же надо понять и людям, читающим статьи и книги о третейском суде и разоружении.

Если можно посыпать соли на хвост птице, то значит, что она не летает, её и ловить нечего. Если же у птицы есть крылья и она не хочет быть пойманной, она не даст себе сыпать соли на хвост, потому что свойство птицы летать. Точно так же свойство правительства состоит не в том, чтобы подчиняться, а подчинять себе. И правительство только на столько правительство, на сколько оно может не подчиняться, а подчинять, и потому оно всегда стремится к этому и никогда добровольно не может отказаться от власти, а власть даёт ему войско, и потому никогда не откажется от войска и употребления его для войны» (Глава 6).

И именно там Толстой противопоставляет пацифистской либеральной и верноподданнической ДУРИ – сознательный религиозный отказ от военной службы человеком, пришедшим к христианскому жизнепониманию.

Сам факт этой «успешной» (законченной и опубликованной) статьи – обличение идиотству и дури пацифистов всех времён. Они не могли не прочесть и не знать толстовского «Царства Божия...», уже давно к 1898 году опубликованного, но идейное содержание этого сочинения, как видно... мягко скажем: не преодолело

«барьера восприятия» сих благонамеренных читателей. Толстой повторил в 1898-м... результата – ноль.

В августе 1909 г. Толстой пытался принять участие в Восемнадцатом Международном конгрессе мира в Стокгольме. Он не смог поехать на него, но доклад свой – послал для озвучения на Конгрессе. Господа пацифисты СКРЫЛИ его, и даже, боясь приезда самого Льва Николаевича – хотели сперва отменить или перенести по времени сам Конгресс. Толстой даже сетовал иронически: «это нескромно с моей стороны», ибо явно было, что конгресс отложен не столько из-за забастовки рабочих в Швеции, сколько из-за его послания мнимым либеральным «единомышленникам». А они и обосрались сразу: «Как нам быть с ним? – Прогнать нельзя. И отложили конгресс» (ЯЗ – 4. С. 30).

Наконец, через год, 23 мая 1910 г. замкнулся тот дурной круг бессмысленного диалога зрячего с глухими, который либеральничающие с правительствами западные интеллигенты заставили вести с ними Толстого, начиная с послания 1898 года. Лев Николаевич получил от доктора словесности Ж. Бергмана (J. Bergman), секретаря организационного комитета Международного конгресса мира, созыв которого намечался в Стокгольме на 1-6 августа 1910 г. (нового стиля), приглашение на конгресс. Через некоторое время это же приглашение повторил барон Бонд (Carl Carlson Bonde). Это они прощупывали, суки: может быть, Толстой «обломался» после унижения с его докладом в 1909 году? Толстой не унизился и «обломался», ибо просто нет на всех этих господ клал... но и не забыл той ихней попытки! Он написал в ответ «ядовитую статью» («Добавление к докладу на конгрессе мира»), выдержанную в сдержанно-ироническом и септическом тоне начиная от обращения не к кому-то лично, а ко всему собранию: «Вы желаете, чтобы я участвовал в вашем собрании. Я как умел выразил мой взгляд на вопрос о мире в том докладе, который я приготовил для прошлогоднего конгресса. Доклад этот послан. Боюсь однако, что доклад этот не удовлетворит требованиям лиц, собравшихся на конгрессе. <...> Считаю выработку на конгрессах новых законов, обеспечивающих мир, бесполезным главное потому, что закон, несомненно обеспечивающий мир среди всего мира, закон, выраженный

двумя словами “не убій”, известен всему миру и не может не быть известен и всем высоко просвещённым членам конгресса. <...> Правда, что деятельность тех сотен людей, которые, следуя этому закону, отказываются от военной службы и подвергаются за это тяжёлым лишениям и страданиям, как мои друзья в России и в Европе <...>, не может интересовать высоко просвещённых членов конгресса...» и т.д. (см.: 38, 419 - 420).

Члены наконец-то всё поняли и отвязались от Льва...

Итак, Толстой буквально ПОВТОРИЛ им свой скептический ответ 1898 года! То есть: по крайней мере, в последние 20-ть лет своей жизни (когда им активно заинтересовалась западная и прозападная пацифистствующая сволочь, желавшая использовать его имя и авторитет) – пацифистом он ТОЧНО не был. Для старца-исповедника Христа сие навязываемое ему членство в либерально-буржуазной сомнительной политдвижке – было невозможным и ИЗБЫТОЧНЫМ. Как, кстати говоря, и членство в рядах либералов или социалистов, которых он равно считал заблуждающимися и вредными безбожниками... Но и те, и другие (равно как и попы «православия», протестанты, сектанты и даже мусульмане) – до сих пор рвут «кусочки Толстого» на себя, «высасывая их пальца» мнимые «свидетельства» близости или даже единомыслия давно безответного Льва – с ними. Обломайтесь, господа очкарики!

*****

И напоследок. Эта статья, равно как вышеназванный трактат «Царство Божие...», вместе с «антипатриотической» серией статей Толстого (назвать здесь хотя бы: «Патриотизм или мир?», нецензурнейшая «Патриотизм и правительство» и «Христианство и патриотизм»), наконец, вместе с такими вершинами антивоенной публицистики Толстого, как «Приближение конца» или как прекрасная, шедевральная, остро-нецензурнейшая и запретнейшая целых 100 лет «Одумайтесь!» -- должны стать НАСТОЛЬНЫМИ КНИГАМИ всякого молодого человека, готового

послать свою навязчивую казённую тётеньку «родину» туда, куда положено (вот куда Лев Толстой посылал друга Вовчика Черткова с его навязчивыми советами по писательству!) и ОТКАЗАТЬСЯ ОТ СЛУЖБЫ В АРМИИ: как полностью, по религиозному внутреннему запрету всякого сотрудничества с правительствами, так и путём выбора возможной по закону в современной России АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ (АГС) без оружия в руках. Последний выбор – конечно, альянс с разбойничьим гнездом (которым является всякое государство, полагающееся на оружие, войско, межгосударственные военные блоки, союзы и пр.). Но он подразумевает исполнение трудовой повинности мирного, нелёгкого, но полезного обществу и созидательного труда, а значит – имеет свои нравственные корни в законе Бога всякому человеку, учении Иисуса и христианском проповедании Льва. Выбор за вами, пацаны, но пусть идеал уничтожения старого строя системных насилия и лжи, выраженный Львом Николаевичем в цикле CARTHAGO DELENDA EST, сопутствует вам не только в годы вашего отказа, но и – ГЛАВНОЕ! – позднее, на всём пути жизни: пути самосовершенствования в Боге и Христе в борьбе с соблазнами и лжами мира сего.

*****

Общее количество рукописного материала, относящегося к статье «Carthago delenda est» (1898) исчисляется в 229 л. (преимущественно ученические тетрадки). Рукописи расположены хронологически под №№ 1—13. В переписке рукописей принимали участие: Н. А. Оболенский, Т. А. Толстая и неизвестные переписчики.

Рук. № 1 — автограф, первый черновой набросок статьи; рук. №№ 2—12 — последовательные копии с поправками Толстого; рук. № 13 — копии отдельных мест статьи, среди которых присланный В. Г. Чертковым отрывок, который он просил Толстого просмотреть (см. выше историю писания). Из всех рукописей Толстым

датирована только рук. № 9: «16 апреля 1898». Последняя рукопись, с которой производился набор в Англии, не сохранилась.

В ПСС (т. 39) статья печаталась по тексту изд. «Свободного слова».